

М. И. Дегтярева

КОНСЕРВАТИВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА

В истории французской политической мысли едва ли найдется персонаж, способный оспаривать у Жозефа де Местра титул основателя французской консервативной традиции. Это странно – ведь произведения де Местра и Бональда появились в одно время, а сходство их взглядов, точнее даже направление, в котором они эволюционировали, было поводом для многочисленных взаимных уверений в дружбе, расположении и внутренней близости, особенно в последние годы жизни де Местра.

Однако и сочные отрицательные характеристики от историков¹, и самые лестные похвалы², достаются именно де Местру, и это несмотря на то, что при жизни Бональд удостоился во Франции большего признания: Наполеон штудировал его книгу во время Итальянского похода, по видимому, получая удовольствие от выдержанного в духе Лейбница «регулярного» строя произведения, и даже предложил переиздать ее во Франции за счет казны; Реставрация принесла философу почетное положение члена Верховного совета образования. Де Местр же, по его собственному определению, остался всего лишь «неудачником, которого жизнь обвела вокруг пальца». Ни шумный успех в парижских салонах после возвращения из России, где де Местр с 1803 г. по 1817 г. служил послом Сардинии, ни симпатии влиятельных друзей не смогли компенсировать холодности, с которой он был встречен при французском дворе. Питавший робкую надежду на то, что после ухода с дипломатического поприща он сможет обрести заслуженное признание и верный кусок хлеба во Франции Бурбонов, де Местр был вынужден примириться с возвращением в Савойю и необхо-

---

Мария Игоревна Дегтярева – кандидат исторических наук, докторант ИВИ РАН

¹ Наиболее радикальная из них принадлежит Исаяе Берлину, включившему де Местра в число идеологических предшественников фашизма. См.: Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Берлин И. Философия свободы. М., 2001.

² Известный французский философ Эмиль Чьоран во введении к своей книге о де Местре признается, что не может читать без сожаления письма своего героя к Бональду, где говорится об удивительном сходстве эволюции их взглядов, поскольку находит унижительным для настоящего философа – де Местра – сравнение с этим «плоским писателем», «этим добровольно ограниченным дворянчиком». – *Cioren E. M. Joseph de Maistre*. P., 1957. P. 30.

димостью службы в Большой канцелярии королевства³, вместо того, чтобы быть востребованным в роли, которая ему давалась лучше всего, – роли политического мыслителя.

Так, по иронии судьбы, основоположником французского консерватизма стал человек, чье французское происхождение до сих пор подвергается сомнению историками, да и сам себя называвший, полушутя – полуиронично, «бедным савойяром».

Каждого, кто начинает заниматься биографией де Местра, впечатляет ее необычность. Человеку, которому была уготована почтенная, но несколько скучноватая роль савойского сенатора, словно удалось провести судьбу. До 40 лет в его жизни нет ничего или почти ничего, что могло бы привлечь внимание историка: рождение в Шамбери 1 апреля 1753 г., воспитание, в соответствии с традициями семьи, под руководством иезуитов, учеба в Туринском университете (1769–1772), государственная служба и участие, как полагалось в его кругу, в деятельности местной масонской ложи *Trois Mortiers*. Вторжение французских войск в Савойю 20 сентября 1792 г. и бегство вскачь под проливным дождем к Альпам, казалось, обещали только временную бесприютность. Декрет Конвента о конфискации имущества эмигрантов, не пожелавших вернуться до 1 января 1793 г., по логике вещей должен был еще прочнее привязать де Местра и его близких к родному очагу. Однако по ту сторону «дьявольской ночи» на пути в Аосту осталась жизнь мирного обывателя, и перед беглецом, вернувшимся в родные места только для того, чтобы вскоре получить повод к отъезду⁴, открылись немыслимые в другое время и в других обстоятельствах перспективы.

Общий удел – судьба эмигранта – позволил войти начинающему писателю в салоны французских аристократов, обосновавшихся в Женеве и Ло-

³ Де Местр, работая правителем Большой Канцелярии в Турине, жаловался друзьям на нестерпимую скуку: «С каждым днем все яснее вижу, что я не у дел <...> Я мог бы еще сослужить хорошую службу и бросить в мир несколько полезных страниц, вместо того, чтобы употреблять свое время на подписи, что отнюдь не является блестящим занятием. К сожалению, я не могу разорвать эти цепи, столь драгоценные для моей семьи». – Цит. по: *Triomphe R. Joseph de Maistre. Etude sur la vie et sur la doctrine d' un materialiste mystique*. Geneve, 1968. P. 352.

⁴ Ж. де Местр принял участие в составлении антифранцузской прокламации, распространенной затем в Шамбери, с отчаянием человека, безразличного к сохранению своего положения. Угроза разоблачения, на фоне драматичных новостей января 1793 г. – казни Людовика XVI и ареста брата, Константина де Местра – оправдала его отъезд в Швейцарию 22 февраля 1793 г.

занне, и вот уже его собеседницей и другом становится мадам де Сталь. Публикация «Рассуждений о Франции» (1797) обеспечила ему внимание европейских монархов, и через несколько лет, в 1800 г., ставший знаменитым автор получает должность Регента Канцелярии при сардинском дворе с жалованием 20 000 ливров.

Однако судьба шла за ним по пятам, угрожая то расправой как «организатору роялистской смуты» в Шамбери, то жестокой унижительной бедностью, то – в самый неподходящий момент – напоминанием о его масонском прошлом, что стало непреодолимым препятствием для получения от сардинского короля поста интенданта Савойи или посла в Женеве, то придворными интригами, но всякий раз, де Местру удавалось найти выход в ситуациях, не оставлявших и малой надежды на благополучный исход.

В постоянстве таких поблажек судьбы есть что-то почти мистическое. Именно в момент, когда Людовик XVIII и Густав IV Шведский отказали философу в покровительстве⁵, к нему обратил свой взор новый сардинский монарх – Карл-Эммануил IV. А когда петля придворной интриги вот-вот должна была лишить де Местра высокого поста и единственной возможностью для него не пропасть могло стать только согласие отправиться посланником Сардинии в Петербург, он получил санкцию Наполеона на службу сардинскому королю – санкцию, без которой предшественнику де Местра в России пришлось срочно вернуться родину под угрозой конфискации собственности по декрету французского императора⁶. Наконец, в ледяном Петербурге, где поначалу он не имел не только приличного жилья, но и подобающего посланнику экипажа, где вместо принятой в Петербурге зимой шубы ему пришлось носить обыкновенный плащ, нашлись друзья, готовые принять его, несмотря на разницу политических взглядов и вероисповеданий. И вот уже де Местр управляет нитью салонных бесед,

---

⁵ Причиной сдержанности Людовика XVIII, пытавшегося сначала в благодарность за «Рассуждения о Франции» помочь де Местру получить место воспитателя при молодом короле Швеции Густаве IV, стала история с перехваченным французами в 1797 г. письмом Людовика к Жозефу, в котором речь шла о «вознаграждении за преданность». Последовавший за этим скандал вокруг «подкупленного модного писателя» не позволил ни самому Людовику, ни Густаву оказывать де Местру дальнейшее расположение.

⁶ Наполеон оказал де Местру необыкновенную «любезность», признав его французское подданство (Савойя была присоединена к Франции), но, тем не менее, избавив от распространявшихся на эмигрантов санкций и оставив за ним право служить сардинскому королю. Не исключено, что на судьбу де Местра могли повлиять родственные связи французского рода де Местров с императрицей Жозефиной. (Подробнее см.: *Triomphe R.* Op. cit. P. 233).

и будущий гонитель иезуитов – Александр Стурдза несколько лет спустя констатирует: «Месье де Местр бесспорно был самым ярким человеком Петербурга во времена Александра Первого»⁷.

Две волны – оппозиция М. М. Сперанскому и защита интересов иезуитов в России – выносят его на вершину политического успеха, а «Четыре главы о России» (1811) открывают доступ к самому императору, ни много – ни мало, в качестве личного секретаря.

Чего же еще желать этому неутомимому искателю приключений, когда сам царь предлагает ему перейти на русскую службу, щедро ссужает деньгами, поручая подготовить проект конституции Польши, и к тому же делает роскошный подарок, зачисляя сына де Местра Родольфа в привилегированный корпус кавалергардов и беря на себя все расходы на амуницию и обмундирование будущего участника Бородина? Но де Местр желает только одного – восстановления политического порядка и мира в Европе, и готов служить нескольким монархам – против одного – Наполеона Бонапарта. Вступая в должность секретаря Его величества, де Местр не забывает предупредить нового покровителя о том, что долг перед королем Сардинии не позволяет ему дать «подписки о неразглашении» секретной информации, которую может принести ему новое положение. Едва ли стоит удивляться тому, что его пребывание в статусе государева секретаря не продлилось и четырех месяцев, пополнив перечень блестящих, но провалившихся проектов философа.

Последовавшие за Венским конгрессом гонения на иезуитов должны были послужить для де Местра предостережением, но, привыкший балансировать на грани возможного, он, как будто не желает замечать очевидного, что отныне и его собственная, во многом удачная карьера в России близка к завершению. Едва ему удастся, наконец, перевезти в Петербург жену и дочерей с намерением обосноваться здесь насовсем, как он уже вынужден оставить Россию, и 12 мая 1817 г. линейный корабль «Гамбург» – последний знак уважения со стороны русского императора – уже несет семейство де Местров к британским берегам навстречу полной неизвестности. В России остались только брат Жозефа – Ксавье, счастливо женатый на фрейлине Софье Загряжской (тетке А.С. Пушкина), и Родольф, временно исполнявший обязанности сардинского посла до прибытия нового представителя.

⁷ *Triomphe R.* Op. cit., P. 305. См. также: Степанов М. (Шебунин А.), Вермаль Ф. Жозеф де Местр в России. // Литературное наследство. Русская культура и Франция (далее – ЛН). Т. 29-30. М., 1937. С. 608.

В последние годы жизни европейская знаменитость – коротающий дни в Турине старик, в пудренном парике со старомодной косичкой, необычайно прямой осанкой и пронизательным взглядом голубых глаз, завораживает приезжих гостей реализмом и ясностью суждений, по меньшей мере неожиданных в устах человека, которого молва наделила репутацией «крайнего ретрограда», и одновременно тщательнейшим образом готовит к публикации сочинения «Санкт-петербургские вечера» и «О Папе» – самую обскурантскую и непримиримую в политическом отношении из его книг, вызвавшую замешательство даже у такого идеолога консерватизма, как Шатобриан.

Политические взгляды и концепции де Местра были такими же эклектичными, соединяющими, казалось бы, несоединимое, как и его жизнь. Эволюция его мировоззрения уместилась в промежуток между двумя произведениями – «Похвала Виктору-Амедею» и «О Папе». Первое вышло из-под пера мыслителя в 1775 г., когда де Местру было двадцать два, второе – когда автору было около шестидесяти, и дождалось публикации лишь в 1819 г., незадолго до его смерти. Первое, если бы де Местр не написал ничего другого, могло бы быть отнесено к либерально-просветительской традиции, второе создало ему славу «апологета палача» и «пророка прошлого». Одно от другого отделяют Революция, Россия и Наполеон.

«Похвала Виктору-Амедею» – публицистический дебют де Местра. К моменту ее появления Жозефу, по-видимому, уже успело наскучить ремесло магистрата, и он тянулся к более динамичной и интересной деятельности, соответствующей яркому темпераменту и неиссякаемой жажде новизны. В 1775 г. ему представился вполне подходящий повод попробовать себя в роли писателя: новый король Сардинского королевства решил посетить Савойю. Трудно сказать, мечтал ли уже де Местр в то время о роли мудрого наставника при благородном монархе, но об одном можно судить наверняка: просветительская литература, пронизанная пафосом воспитания государей, не прошла мимо него незамеченной. На всем протяжении своей философской карьеры де Местр обнаруживал превосходное знание произведений энциклопедистов, с которыми, по-видимому, познакомился еще во время учебы в Турине. Недаром позднее, уже в зрелые годы, он заявил, что выбил бы на стенах университетов надпись, гласящую: «Здесь многие юноши утратили нравственную невинность», а в поздних письмах признавался, что был испорчен смолоду, в студенческие годы, не подозревая о пагубном влиянии произведений, которые ему приходилось читать.

Так или иначе, де Местр берется за написание работы, в которой либеральные настроения, весьма популярные в среде савойской администра-

тивно-правовой элиты, соседствовали с защитой социальных и корпоративных интересов, и все это сочеталось с совершенно бескорыстной преданностью престолу⁸. В основе работы лежала идея социального «равновесия», каковое служило бы залогом прочности королевской власти. Совершенная монархия, по мнению автора работы, должна была покоиться на союзе трех сословий – духовенства, дворянства и судейских магистратов. Иными словами, молодой автор добивался правового и социального уравнивания для слоя, к которому принадлежал сам, с теми, что составляли традиционную опору монархической власти. Любопытно, что один из излюбленных принципов просветительской философии – равновесие, взаимное сдерживание институтов власти должен быть применен здесь для обеспечения прочности абсолютной монархии. Логика Просвещения, таким образом, служит у де Местра тем же целям, что и рассуждения Ж. Боссюэ, для которого абсолютизм потому является лучшей формой правления, что обеспечивает соблюдение интересов разных сословий. Поэтому определить место де Местра в континууме «Просвещение» – «контр-Просвещение» оказывается не так просто. Отнести его к «антипросветителям» – значит погрешить против истины, поскольку сохранились свидетельства выступлений молодого Жозефа в должности магистрата против излишних повинностей и архаичного «рабства крепостных», «необузданного дворянства» и «неограниченного влияния духовенства», да и в самом пафосе работы можно усмотреть влияние идей новой философии. С другой стороны, стоит ли преувеличивать личную солидарность де Местра с заявленной им позицией? То, что он обрек в литературную форму притязания либерально настроенного галликанского окружения – верхушки савойского чиновничества – еще не свидетельствует о том, что идеалы Просвещения стали определяющей частью его собственного мировоззрения. Высказанные в этом сочинении взгляды, пожалуй, слишком либеральны для человека, вышедшего из ультрамонтанской среды, воспитанника иезуитов, с пятнадцати лет члена братства Черных исповедников⁹.

⁸ Многие произведения де Местра носили адресный характер. Благодаря доверительности обращения, особой интонации слуги и друга, умению расположить к себе, не прибегая к лести, и в то же время, легкости стиля он добивался того, что те, кому эти произведения в первую очередь предназначались, относились более внимательно и терпимо к принципиальным вещам, чего не удавалось добиться его предшественникам.

⁹ Главной заботой братства было проявление милосердия к заключенным и сопровождение к месту казни осужденных. (Несколько раз в неделю юноша обязан был в черном монашеском одеянии появляться с книгой в руках на улицах Шамбери, под насмешливыми взглядами его сверстников).

Соблазн заявить, что роман де Местра с Просвещением был крайне поверхностным и несерьезным, так велик, что факты подбираются сами собой без особого труда. Кажется, чего уж больше – в 1789 г. де Местр приветствует созыв Генеральных штатов только потому, что видит в нем *восстановление традиционной французской конституции*, которая отличалась от абсолютизма Людовика XIV тем, что власть не имела той степени централизации, при которой могла бы угрожать свободе общества, основанной на самостоятельности и равновесии сословий. И не ему ли принадлежат ожесточенные выпады в адрес энциклопедистов? Вместе с тем, когда после казни Людовика XVI де Местр демонстративно заявляет о разрыве с Просвещением - «С великого преступления вся моя философия покинула меня... Чем мы станем?»¹⁰, – в его злости, отчаянной, нервной, угадывается почти мальчишеская обида на тех, кто был и остается для него интеллектуальными авторитетами, но потерпел моральное крушение. Это дает Р. Триомфу повод иронично заметить: «Деместровская ненависть к революции – это ненависть отречения»¹¹.

«Когда я вижу, что он сделал, и сравниваю это с тем, что он мог бы сделать, все его неподдельные таланты внушают мне нечто вроде священного трепета, который не имеет названия. Колеблющийся между ужасом и обожанием, иногда я желал бы воздвигнуть ему памятник... рукой палача»¹², – напишет де Местр о Вольтере, а XVIII век будет сравнивать с «рекой грязи, которая вертела бриллианты»¹³. Идеи Просвещения, отдельные логические приемы войдут в канву философских произведений де Местра, а память о юношеском увлечении сделает ему понятными и по-человечески близкими таких либерально мыслящих людей, как мадам де Сталь и адмирал Чичагов.

После первого сочинения де Местра прошло больше двадцати лет, когда увидели свет «Рассуждения о Франции». Их автор изменился и в то же время остался верен себе. За спиной – шок, пережитый во время Революции, скитания по Европе, существование на грани успеха и бесславия, между Библией¹⁴ и эмигрантскими салонами. Неизменно только одно – дух

---

¹⁰ *Triomphe R. J.* Op.cit. P. 156.

¹¹ *Ibid.* P. 137.

¹² *Maistre J. de.* Soirées de Saint-Petersbourg. Lyon; P., 1874. Vol. 1. P. 243.

¹³ *Maistre J. de.* Examen de la philosophie de Bacon, ch. XIX // *Cioren E. M.* Joseph de Maistre. P., 1957. P. 173.

¹⁴ В дневниковых записях де Местра сохранились свидетельства того, что после казни короля, в худшие для себя минуты, он читал почти исключительно библейские тексты: Откровение Иоанна Богослова и Книги Пророков.

творчества, заставляющий его братья за перо и мечтать о карьере писателя.

Успех приходит и настолько ошеломляющий, что написавший позднее о нем А. Ламартин не мог сдержать своего восторга: «Рассуждения о Франции» прокатились от Лозанны до Турина, Рима, Лондона, Вены, Кобленца, Петербурга, как крик Исаяи народу господнему. Стиль Боссюэ снова был обретен в лоне Швейцарии. <...> Эта книга – удар молнии среди альпийских гор – создана была для того, чтобы осветить в один из мрачных дней весь контрреволюционный горизонт Европы <...> Это был стиль резкий, нервный, ясный – стиль откровенных фраз, ярких афоризмов, ничем не напоминавший ни вялость XVIII века, ни декламации французских книг последнего времени: он был рожден и закален дыханием Альп, он был девственен, он был молод, он был терпок и дик; в нем совсем не было общепринятой почтительности, в нем чувствовалось одиночество <...> Этот человек был *новым* среди детей века»¹⁵.

«Рассуждения» интересны, прежде всего, тем, что здесь как, пожалуй, ни в одной другой книге, де Местр предстает писателем, соединившим разные интеллектуальные тенденции своего времени. Смещение мистики иллюминатов и христианской догматики, принципов абсолютизма и уже обоснованных Бёрком консервативных идей с цитатами из просветителей, блестящими светского остроумия и религиозного вдохновения обеспечило книге внимание современников. Это был тот случай, когда структура и стиль произведения оказались, пожалуй, интереснее самой политической теории автора и его прогнозов на будущее.

Ламартин считал, что книга де Местра «как пророчество» ничего собой не представляла, имея в виду то, что религиозная интерпретация Революции, предложенная философом, не оригинальна. Она лишь воспроизвела расхожие суждения эмигрантской среды в Лозанне и Женеве. После неудачной высадки роялистов на Кибероне 9 мессидора III года и провалившегося мятежа в Париже 13 вандемьера IV года Республики, надеждой эмиграции стала мысль о том, что республика развалится изнутри, причиной чему окажутся распри среди революционеров. События способствовали укоренению этого взгляда, ведь позади уже был переворот 9 термидора. Не удивительно, что эмигранты верили: Провидение расправится с палачами руками палачей и тогда законному королю останется взять лишь то, что принадлежит ему по праву. Эти надежды и легли в основу религиозной

¹⁵ Цит. по: *Triomphe R.* Op. cit. P. 172.

трактовки событий, развернутой в книге де Местра. Гораздо интереснее то, как именно он их преподнес.

Книга начиналась с фрагмента, смысл которого оказывается глубже, чем может показаться на первый взгляд: «Все мы привязаны к престолу Всевышнего гибкими узами, которые удерживают нас, не порабощая. Одно из самых больших чудес во всеобщем порядке вещей – это поступки свободных существ под божественной дланью. Покоряясь добровольно, они действуют одновременно по собственному желанию и по необходимости: они воистину делают, что хотят, но не властны расстраивать общие начертания. Каждое из этих существ находится в центре какой-либо области деятельности, диаметр которой изменяется по воле *предвечного геометра*, умеющего распространять, ограничивать, останавливать или направлять волю, не искажая ее природы. В деяниях человека все убого, как он сам; намерения ограничены, способы грубы, действия негибки, движения тяжели и следствия однообразны. В деяниях божественных богатства бесконечного проявляются открыто, вплоть до самых малых частей. Свою мощь оно являет, играючи: в его руках все податливо, ничто не может устоять против него; все оно обращает в свое орудие, даже препятствие: неправильности, производимые свободно действующими силами, оказываются встроенными во всеобщий порядок.

Если представить себе часы, все пружины которых непрерывно изменялись бы в силе, весе, размере, форме и положении, однако неизменно показывающие время, сложится какое-то представление о соотношении действий свободных существ и помыслов Творца». ¹⁶ Начало книги было своеобразным кредо автора, не побоявшегося в атмосфере деизма и атеизма «держать голову выше века». Оно же выражало и основную мысль в отношении Революции: нет ничего, что могло бы противостоять Высшей воле, даже сопротивление которой служит ее целям.

Но в этом фрагменте было еще нечто такое, что заставляло современников де Местра читать дальше и делало автора близким, говорящим с публикой на одном языке. Достаточно сопоставить начало «Рассуждений» с фрагментами вольтеровских текстов, чтобы понять, почему за де Местром вскоре закрепилось определение «Вольтер наизнанку»: «Когда я вижу часы, стрелка которых указывает время, я сужу о разумном существе, которое устроило пружины этого механизма так, чтобы стрелка показывала время» ¹⁷. Де Местр, казалось, подхватывал метафору Вольтера, вторил

---

¹⁶ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 11

¹⁷ Voltaire. Œuvres complètes. P., 1877-1882. Vol. 22. P. 194.

ему, но все это только для того, чтобы на протяжении последующих глав подвергнуть критике присущий Вольтеру рационалистический взгляд на мир, согласно которому сама математическая форма, служащая ученым для выражения законов природы, есть следствие «математической разумности» планов «архитектора природы»¹⁸. В «Рассуждениях» останется и сила, приводящая в движение части часового механизма, и «геометр», но принцип отношения к видимой, открытой для человека стороне его творений будет изменен с точностью до наоборот.

Для Вольтера очевидно: о сущности можно судить по видимости. Мир, устройство которого рационально, подчиняется общим законам, выражением которых служат формулы и точные исчисления. Для де Местра разумность внешней стороны мира также позволяет судить о высшей причине, но не допускает ни полного постижения ее воли, ни тем более, подражания ей с помощью выведенных математическими способами закономерностей, общих для видимого и невидимого мира. Тайна постоянно сопровождает бытие человека в мире. Человек может усовершенствовать дерево с помощью прививок, заставить его приносить более обильный урожай, но он не знает способа *создать дерево*. Де Местр, как правило, только констатирует присутствие тайны, но однажды как будто невольно проговаривается: «То, что мы *не должны знать* важнее, чем то, что нам следует знать». Итак, Вольтер – рационалист, де Местр же отстаивает идею принципиальной невозможности и ненужности объяснения мира с помощью рациональных моделей и схем.

Недоверие де Местра к алгоритмизированному сухому рациональному мышлению связано с присущим ему христианским миропониманием. Прочитанный выше фрагмент «Рассуждений» вызывает ассоциацию не только с вольтеровскими сюжетами, но и с текстами католического мыслителя Боссюэ: «В вышине небес Бог держит бразды правления всеми государствами, в его руке все сердца. Он то сдерживает страсти, то ослабляет узду, приводя этим в движение весь человеческий род... И таким-то образом Бог царствует над всеми народами. <...> То, что является случайным по нашему слабому суждению, представляет собой заранее рассчитанный план в более высоком суждении, т. е. в вечном суждении, которое заключает все причины и следствия в одной категории»¹⁹.

¹⁸ Ibid. Vol. 17. P. 455.

¹⁹ Bossuet F.B. Discours sur l'histoire universelle. Oeuvres complètes. Versailles, 1818. Vol. 35. P. 556-557.

Однако у деместровского текста есть еще один источник вдохновения: разделение мира на видимый и незримый – мир иерархизированных духовных сущностей – характерно и для основоположника французского иллюминизма Луи-Клода Сен-Мартена. Мартинизм представлял собой синтетическое учение, в основе которого лежал кантианский трансцендентализм, а христианское представление о подобии человека Создателю получало неожиданное продолжение в стиле португальской мистической школы Мартинеса де Паскуали, согласно которой человек, в силу подобия Творцу, может вырваться за пределы видимости в иной, скрытый за повседневностью и обычно ускользающий от него мир. Из теории, имеющей религиозное основание, вытекала этика личного духовного совершенствования и медитационные практики по образцу португальских мистиков; с их помощью сторонники Сен-Мартена желали познать истинную, связанную с божеством, сторону бытия.

Когда де Местр говорит о том, что в обычных условиях воля Верховного существа и законы мироздания являются непроницаемыми для человека, едва ли возможно точно определить, чего здесь больше – христианского смирения перед божественным промыслом или мартинистского мистического трансцендентализма. Современный французский исследователь Ж.-Л. Дарсель видит проявление мартинизма даже в обращении Местра к образу «Вечного Архитектора», популярному и в масонской среде, и считает, что философ сохранил приверженность масонской символике вплоть до сочинения «О Папе»²⁰.

Ощущение неоднозначности оставляют и размышления де Местра о Революции как об исключении из правил, о редком моменте, когда грань между двумя мирами расступается, и Провидение являет себя непосредственно тем, кто «может видеть». Сформулированное Св. Августином христианское представление о чуде как о событии, приостанавливающим действие «вторичных причин» – законов природы и открывающим действие «первопричины», усиливается мартинистским порывом к неизвестному.

Но, каковыми бы ни были истоки антирационализма Жозефа де Местра, первые главы «Рассуждений» подчинены одной идее: когда горделивый разум берется за преобразование мира на основе сконструированного на бумаге проекта, наказанием за самонадеянность становится полная неразумность, абсурд, крах результатов рационального действия. И тогда Робеспьер, Колло или Баррер, которые и «не помышляли об установлении

---

²⁰ *Darcel J.-L. Maistre, Mentor of the Prince // Joseph de Maistre's Life, Thought, and Influence. Selected studies. Ed. R.A. Lebrun. McGill-Queen., 2001. P. 120-130.*

революционного правительства и режима Террора», оказываются приведены к этому незаметно, «обстоятельствами»²¹. Христианский догматический принцип божественного воздаяния виновному подобным вплетается в ткань деместровой концепции Революции. В наказание за переоценку возможностей разума Провидение как бы отступает, позволяя дерзким «играть вслепую» с реальностью, законов которой они не ведают.

Из-под просветительской лексики, из-под вольтеровских образов в «Рассуждениях о Франции» проступает совершенно иное – теологическое содержание, оправленное в мартинизм. Возможно, поэтому одной из самых сложных в книге является глава «О насильственном разрушении рода человеческого», порой заставляющая исследователей сомневаться в том, был ли автор книги истинным христианином. История человечества представлена в ней как непрерывная череда кровопролитий, войн, нашествий и человекоубийств. Позднее, в «Санкт-Петербургских вечерах» де Местр даст объяснение ужасной картине, нарисованной в «Рассуждениях». Всевозможные бедствия, свалившиеся на человечество, являются следствием первородного греха и общей, родовой подверженности людей страданиям за эдемское искушение, независимо от личной вины каждого конкретного человека. Вот почему невинный страдает так же, как преступник – за свою принадлежность к миру, как член человеческого рода. Остановить или смягчить кару может только молитва.

Но в «Рассуждениях» жуткая картина выглядит куда более фаталистичной. На их страницах мы не найдем и намека на возможное избавление, вместо этого Рок – Ангел-истребитель, появляется то здесь, то там, и рассыпает удары направо и налево. Откуда возник этот абсолютный, беспросветный, угнетающий фатализм? Откровение Иоанна Богослова кажется не столь страшным, как земной ад де Местра, непонятный, мистический, имеющий скрытые причины, неустрашимый и данный человечеству как естественная среда его обитания и единственная доступная ему реальность. Возможно, идея Рока имела португальскую генеалогию и попала на страницы книги, благодаря влиянию мистического направления масонства, а, может быть, личные переживания периода Революции заставили де Местра склонить голову перед надвигающимся Апокалипсисом и смотреть на всю предыдущую историю только как на подготовку к худшим испытаниям. Во всяком случае, благодаря этой странной главе, вся книга оставляет довольно противоречивое впечатление. Мажорные ноты последних страниц, проникнутых надеждой на возрождение Европы под эгидой обнов-

²¹ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. С. 15.

ленной Франции, которой предстоит вернуться от эпохи атеизма и кровопролития к своему истинному предназначению и вновь стать духовным камертоном Европы, старшей дочерью Рима, не способны изгладить впечатление от вынесенного в третьей главе «приговора»: «История доказывает, к несчастью, что война в некотором смысле есть обычное состояние человечества; что кровь людская должна проливаться повсюду на земле и что мир для любой нации является только лишь передышкой»²².

И даже представленная в «Санкт-петербургских вечерах» теория родового искупления первородного греха не снимает противоречия между идеей христианского искупительного очищения и мистической безысходностью очередного афоризма: «Вся земля, непрерывно пропитываемая кровью, – только лишь безграничный жертвенник, на котором все живое должно погибать без конца, без меры, без остановок до исхода вещей, до искоренения зла, до смерти самой смерти»²³. К этому времени представление о мировой истории как о декадансе и о «золотом веке человечества» в эпоху древних цивилизаций Востока станет такой же неотъемлемой частью деместровского взгляда на мир, как у его коллег по перу – немецких романтиков. Происхождение этой идеи связано, конечно же, с антипрогрессистским пафосом консервативной мысли, но система мировоззрения де Местра не становится от этого более понятной, и стоит ли вообще искать в ней общего порядка, единой логики? На страницах деместровских произведений, написанных в России – «Санкт-петербургских вечеров», «Четырех глав о России», «Писем к русскому дворянину об испанской инквизиции» и других – «мировой упадок» соседствует с идеей о цивилизующей роли христианства и церкви, вырастивших европейскую цивилизацию и воспитавших монархов, после веков варварства. «Рассуждения о Франции» обозначили те линии напряжения, что пронизывали философско-теологическую доктрину Жозефа де Местра на всем протяжении его творчества.

К счастью для исследователя, в произведении де Местра, помимо трудной для интерпретации и скорее мистическо-философской, чем теологической, есть еще и более прозрачная часть, связанная с политической теорией. Основными ее элементами стали критика доктрины народного суверенитета, политический антирационализм и историзм.

Впрочем, это разделение условно, поскольку историзм и антирационализм пронизывают все, о чем бы ни писал де Местр. В этом смысле крити-

---

²² Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. С. 43

²³ Maistre J. de. Soirées de Saint-Pétersbourg. Vol. 2. P. 32.

ка доктрины народного суверенитета – это скорее тема, чем равнозначная составляющая политической доктрины, но тема ключевая – от нее де Местр переходит к позитивной политической теории – и несколько выбивающаяся из логического строя, поскольку принцип историзма используется в этой части довольно избирательно²⁴.

С одной стороны, философ обосновывает мысль о том, что народный суверенитет является абстрактной и неосуществимой политической конструкцией, апеллируя к авторитету истории. Поскольку, отмечает он, ни в историческом прошлом Франции, ни в мировой практике не известны случаи, когда в государстве с большой территорией могла бы утвердиться республиканская форма правления, нет оснований полагать, что амбиции современных французских политиков, увлеченных идеями Руссо, учредить республику вместо монархии увенчаются успехом. С другой стороны, де Местр незаметно для себя оказывается в логической ловушке: ведь сам он пишет о том, что и Революция – явление исключительное, и ничего подобного ей до сих пор не было, однако отсутствие исторического прецедента не помешало ей «исполниться». Так можно ли придавать историческому опыту значение исчерпывающего доказательства?

Возможно, де Местр смутно чувствовал, что логически его аргумент небезупречен, и постарался придать самой революции статус исторически обусловленного события, а, следовательно, и обладающего «правом на воплощение». Революция представлена в его работе, с одной стороны, как следствие германской Реформации, поставившей под сомнение религиозный авторитет и положившей начало разрушению основанного на нем политического порядка в Европе. С другой – как справедливое наказание Франции, сошедшей со стези истинного исторического призвания – духовного «камертона» Европы, и обратившей во зло, для распространения атеизма и политической смуты, величайшие дары Провидения – великолепный язык и дух прозелитизма, позволяющие идеям распространяться по Европе с удивительной быстротой. Эстафета Реформация – Просвещение и стала причиной, вызвавшей ужасные последствия. Однако историзм де Местра не распространяется дальше объяснения причин возникновения Революции. Уже в последние годы жизни он будет вынужден признать, что «неисторичность», увы, не свидетельствует о принципиальной невозможности нового явления или о его недолговечности. Но до этого нужно было еще дожить, и от скептицизма в отношении будущего «большой рес-

²⁴ Подробнее см.: *Дегтярева М.И.* Понятие суверенитета в политической философии Ж. де Местра // ПОЛИС. 2002. № 3.

публики» де Местр переходит к анализу эффективности представительства в стране с обширной территорией.

Для де Местра вопрос заключается не в том, принесла ли новая политическая конституция свободу народу-суверену, а в том, позволяет ли она народу в принципе быть сувереном. Поскольку ввиду многочисленности населения Франции его непосредственное участие в управлении невозможно, это неизбежно приводит, как полагает де Местр, к отчуждению народа от власти²⁵. И в этом случае, снова интересна структура аргумента. То, что де Местр пишет о представителях – депутатах парламента – созвучно с идеями Ж.-Ж. Руссо. Как и позднее А. де Токвиль, автор «Общественного договора», считал, что представительство не отражает подлинной воли народа, и решения депутатов диктуются корпоративными или частными интересами. Но, если для Токвиля, это – опасное отклонение в развитии демократии, а для Руссо – свойство, прежде всего, британской политической системы, то де Местр настаивает на том, что псевдодемократизм – сама суть системы представительства. В отличие от Токвиля, де Местр не рассуждает и о захвате власти большинством, непросвещенным и несведущим в политике, для него достаточно того, что большинство в принципе не обладает властью в Республике и что народ в ней оказывается в положении управляемого так же, как при монархии. Однако характер подчинения меняется.

Если король, заботясь о сохранении *своего* государства, должен принимать в расчет традиции, общественное мнение, советы духовенства, то республиканское правительство, освобожденное от обязательств *самим принципом полномочности в силу «народного выбора»*, тяготеет к деспотизму. Таким образом, завершается логический круг: от «солидарности» с Руссо в критике недостатков представительства де Местр переходит к атаке на выдвинутую Жан-Жаком идею Законодателя, чей авторитет оказывается оправдан тем, что общая воля не может быть выражена ни непосредственно, ни будучи «делегирована». «Мудрый интерпретатор общей воли», в глазах де Местра, – деспотичный самозванец.

Все это дает де Местру повод повторить вслед за полюбившимся ему Э. Бёрком²⁶, впервые высказавшем мысль о диктатуре французской столи-

---

²⁵ Небольшие подсчеты, считает де Местр, показывают, что согласно условиям формирования законодательного корпуса, обычный француз сможет войти в его состав один раз в 60 тысяч лет. (*Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. С. 61-62.*)

²⁶ Де Местр познакомился с «Размышлениями о революции во Франции» Э. Бёрка в 1790 г. Книга способствовала кристаллизации консервативной позиции самого де Местра. Даже название «Рассуждений о Франции» ставило их в один ряд с произведением Бёрка. Подробнее см.: *Triomphe R. Op. cit. P. 138.*

цы по отношению к остальной стране, что при такой системе правления Республика была размещена только в Париже, а Франция являлась подданной этой республики²⁷. «Слова *большая республика*, – полагает де Местр, – исключают друг друга так же, как *квадратный круг*»²⁸.

Позитивная часть политической доктрины де Местра возникает на пересечении двух векторов: знакомая по более раннему произведению апология абсолютизма в духе Боссюэ получает теоретическое подкрепление со стороны консерватизма Бёрка. Следуя за английским мыслителем, де Местр отдает предпочтение традиции и с большим недоверием относится к попыткам политических преобразований в соответствии с некими идеальными проектами и схемами. Политическая мудрость, полагает де Местр, заключается в том, чтобы следовать традиции, кодифицировать исторически сложившиеся правила, не внося в политическую сферу никаких произвольных изменений. Не связанные с историческим прошлым преобразования обречены на провал, это относится и к новым политическим конституциям – трем за пять лет – и к попыткам учредить новые обычаи вместо старых.

Но что составляло основу французской политической традиции и прежнего политического порядка? Для де Местра ответ на этот вопрос очевиден – религия. Р. Триумф, процитировав одно из писем де Местра к другу, где философ признается, что Бёрк заметно «укрепил его антидемократические и антигалликанские представления», так комментирует это важное свидетельство: «Восхитительно, де Местр признается в ориентации на ультрамонтанство, прочитав англиканца»²⁹.

И все же французский историк несколько упрощает логику событий. Перед де Местром стояла довольно непростая задача: с одной стороны, он ощущал правоту Бёрка и понимал, что ослабление авторитета церкви имело следствием ослабление авторитета государственного, с другой – демонстрация ультрамонтанской позиции в период, когда Бурбоны потеряли власть, требовала определенной осторожности. Поэтому де Местр, по крайней мере внешне, выразил приверженность галликанизму, основанному на разделении духовной и светской сферы и оставляющем за королем право на политическую самостоятельность. Ему удалось найти элегантный способ примирить личную позицию с официальной доктриной французской церкви, «воспитательные цели произведения» с возможной реакцией

²⁷ *Местр Ж.* де. Рассуждения о Франции. С. 61, 63.

²⁸ Там же. С. 63.

²⁹ *Triomphe R.* Op.cit. P. 138.

будущего короля. Идея Бёрка о том, что прочность британских политических институтов связана с преобладающим значением религии и почти-тельным отношением англичан к традиции, была представлена в «Рассуждениях» в качестве универсального правила. Однако римский понтифик не появился среди политических фигур этой книги. И даже в момент, когда Местр рассуждает о традиционно активном участии священнослужителей в администрации³⁰, он сдерживает чувства и подчеркивает: «во Франции никогда не было *правления священников*»³¹. Христианство, налагавшее этические ограничения на власть королей, одновременно освящая ее, представлено в «Рассуждениях» как цемент политического здания. Потому-то исследователи и политические противники часто упрекали де Местра в излишне «функциональном» отношении к религии.

При несомненном сходстве с политической концепцией Э. Бёрка, доктрина де Местра имеет и свои особенности. Для английского мыслителя парадокс британской свободы заключался в том, что это свобода *во главе с аристократией*. Заслуга последней заключалась в выполнении *посреднической* функции между монархией и народом: благодаря высокой степени свободы, аристократия могла оказывать поддержку монархам в периоды народных возмущений и быть выразительницей духа свободы в периоды политической реакции, представляя интересы нации. Союз горожан и наследственной знати, – считает Берк, – спас Англию от того, что случилось во Франции в 1789 г. Таким образом, британская политика была представлена в «Размышлениях о революции во Франции» как сфера, уравнивающая интересы трех сил: *монархии, народа и аристократии*.

У де Местра *равновесие* имеет несколько иной вид. С одной стороны, в «Рассуждениях о Франции» речь идет о взаимном уравнивании сословий в благополучные для Бурбонов времена, когда излишняя централизация еще не подточила гражданского основания политического порядка, с другой – равновесие обеспечивается двумя полюсами интенсивного взаимодействия: *монархией и нацией*, связанными друг с другом общей исторической судьбой. Уже позднее, в сочинении «О папе» де Местр прояснит характер этого взаимодействия: монархия немислима отдельно от нации, нация обязана главному политическому символу – династии – своим существованием. Мысль обретет форму афоризма: «Отнимите царицу у пчели-

---

³⁰ «Я не думаю, чтобы какая-либо иная европейская монархия использовала ради блага Государства большее число высших священнослужителей в гражданском управлении». – Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. С. 104.

³¹ Там же. С. 105.

ного роя, и вы будите иметь сколько угодно пчел, но улей – никогда»³². Совершенная монархия, подчеркивает де Местр, не должна основываться на узурпации власти, поскольку навязанная извне власть «приносит народу не порядок и мир, а угнетение и тиранию, а подчинение ей – самое большое несчастье для людей»³³. Вот почему в «Рассуждениях» революция представлена еще и буквально как «домашняя ссора» нации с королевской властью, ссора, спровоцированная протестантами и философами. В последних главах книги де Местр торопит день, когда король «соединится со своей нацией». Таким образом, к моменту создания «Рассуждений» концепция «равновесия» в первоначальном ее варианте, представленном в «Похвале Виктору-Амедею», отходит в тень и уступает центральное место идее национально-монархического баланса. Отголоски первой слышны в рассуждениях о том, что основа традиционной французской конституции состояла в соединении свободы и порядка, закона и здравого смысла. Но в этом случае речь идет о том, что сдерживающее, цивилизующее воздействие на монархию как институт оказывали *церковь, независимый магистратский суд и общественное мнение*. Однако идея взаимного уравнивания дворянства, духовенства и магистратов не составила отдельной темы. Просветительская идея *равновесия* в новом варианте больше соответствовала духу Боссюэ.

«Рассуждения», в отличие от первого произведения де Местра, уже не оставляют сомнений в консервативной политической ориентации их автора. Во многом благодаря Бёрку, в калейдоскопе событий Местр обрел свой политический лагерь. В книге о Провидении и революции уже можно обнаружить все признаки консервативного логического стиля: *синтетический характер мышления*, о чем много и подробно пишет немецкий социолог знания К. Манхейм, *антирационализм, историзм* и апологию *национальной традиции*³⁴. Текст книги может послужить блестящей иллюстрацией к мысли Манхейма о том, что консерватизм стал интеллектуальным ответом на Просвещение, заимствуя из арсенала противника проблематику, логические приемы и подвергая критике саму систему рационального мышления, рассматривая все ценности раннего либерализма через собственную жизненную позицию. И все же, де Местра 1790-х годов еще можно назвать *умеренным консерватором*. Безусловно, его книга была *реакцией на Революцию*, реакцией страстной, эмоциональной, но в

³² *Maistre J. de. Du Pape. P., s.a. P. 39*

³³ *Ibid. P. 208.*

³⁴ *Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.*

ней есть место и для *нации как силы, достойной королей*, и для идеи *ограничения политического произвола*. Если бы политическая идентификация де Местра производилась только на основании лишенной конкретно-исторической привязки политической доктрины «Рассуждений о Франции», то в российском контексте Местр выглядел бы едва ли ни либеральным мыслителем. В реально же существовавшей политической ситуации он, разумеется, уже тогда был на правом фланге.

Дальнейшая политическая эволюция Жозефа де Местра происходила под влиянием впечатлений от пребывания России и от результатов Венского конгресса.

Значение российского периода эмиграции для развития политических взглядов де Местра могло бы стать совершенно самостоятельной темой исследования. К сожалению, жанр статьи не позволяет написать обо всем одинаково подробно, можно только обозначить общую картину и назвать главные причины, вызвавшие эволюцию де Местра вправо.

На всем протяжении пребывания философа в России его не оставляло чувство порочности русской монархии, не монарха – де Местр высоко ценил Александра и полагал, что подданные не отдают себе отчета в том, насколько им повезло с государем, более мягким, по сравнению с его предшественниками, более образованным, умеющим прощать – а именно монархии как формы правления.

От внимания проницательного наблюдателя не ускользнуло то, что степень цивилизованности власти в России определялась исключительно *личностью царя* и находилась в полной зависимости от его воли. Никаких противовесов власти в России попросту нет, считал де Местр. Здесь бесполезно искать *общественного мнения* – даже ужасные несчастные случаи, вызывающие гибель большого числа людей, как во время народных гуляний на Неве, не в состоянии вызвать и робкого всплеска общественного движения. *Церковь*, превращенная Петром I в государственное учреждение, бессильна оказывать хоть какое-нибудь сдерживающее влияние на императора. *Закон* зависит исключительно от прихоти государя и фаворитов на час. Обратной стороной такого правления становится дикость общественных нравов, общая потаенная жестокость, и придворные в этом случае не лучше мужиков, готовых взяться за топор. Не удивительно, что в таких условиях единственным допустимым способом политического противодействия является насилие. И, когда де Местр расточает похвалы *личности* Александра, не понятно, какое чувство при этом преобладает – жалость к монарху, чуждому своей стране, или ужас от того, что применение столь многочисленных достоинств государя зависит от одного лишь его

настроения. Де Местр не настолько наивен, чтобы безоглядно дать себя очаровать, и про себя полагает: «Если, предположив невозможное, представить себе, что у российского Императора явится фантазия сжечь Санкт-Петербург, никому и в голову не придет сказать ему, что сие повлечет за собой некоторые неудобства <...> что могут полопаться стекла, перепугаются дамы, закопятся ковры, и т.д.; об этом не может быть и речи; в крайнем случае монарха могут убить (сие, как известно, не есть признак неуважения), но возражать ему никак не принято»³⁵.

Взгляд постороннего наблюдателя имеет свои преимущества. Де Местр ценит открытость русских для всего нового, восприимчивость, любознательность. Однако эти качества вызывают у философа настороженность. В них он видит скорее *подражательность*, *поверхностный интерес* и довольно скептически оценивает плоды просветительской деятельности Петра I, полагая, что его преобразования в сфере повседневной жизни носят скорее косметический, внешний характер. Не связанные с русской традицией, они не могут быть оценены по достоинству и не приносят большой пользы. Русские просто не ведают цены тому, что было выношено западным умом в течение веков, и склонны перебирать, без всякой последовательности, содержательно слишком разные вещи, отказываясь от настоящих драгоценностей, едва они наскучат, ради безделиц. Непростительной ошибкой Петра де Местр считает то, что самодержец не оставил русской традиции шанса выжить, родить что-либо по-настоящему ценное для России. Поэтому главным мотивом «Четырех глав о России» является призыв вернуться назад и повторить у себя развитие европейской цивилизации. Тогда универсальные законы приведут Россию туда же, куда приводили все остальные страны. По тональности эта работа, пронизанная мыслью о неопределенности судьбы России, местами необыкновенно напоминает чадаевские «Философические письма».

Но верил ли сам де Местр в возможность подобного возвращения? Его советы русским из «Четырех глав» и «Санкт-петербургских вечеров» оставляют чувство скорее сожаления об упущенных возможностях и страха перед будущим. Россия, готовая потянуться ко всему свежему и одновременно чреватая прорывом накопившегося веками напряжения, может стать колоссальным источником европейской революции. Национальная традиция в ней, по мнению де Местра, настолько слаба, что не создаст культурного «иммунитета»: «гений Франции обуздал Россию, как человек обузды-

³⁵ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 214.

вает лошадь»³⁶ и «первыми уроками французского, которые услышал народ, были богохульства»³⁷. Французское влияние в соединении с непродуманными реформами неизбежно приведет страну на грань политического краха. А поскольку слабость церкви и религиозного чувства не позволили сформироваться привычке к сдержанному поведению, необходимому для разумного политического взаимодействия, то не стоит удивляться, когда «неукротимую русскую волю» направит «университетский Пугачев»: тогда «немедленно увидят, как вспыхнет общий пожар, который поглотит Россию»³⁸. Все эти пророчества о русской революции граф высказал на страницах адресованной Александру I книги, казалось бы, только как предупреждение, но предупреждение, слишком напоминающее знание наверняка. Последствия «русского пожара» для Европы могут быть слишком непредсказуемы.

Возможно, поэтому де Местр с неукротимой энергией, призывает Александра покончить с Наполеоном и положить конец европейским политическим беспорядкам, а также воздерживаться в этих условиях от реформ, которые, так же, как преобразования во Франции, могут стать предлюдией катастрофы. Страх сопровождается усилением консервативно-охранительной позиции. В этом отношении чрезвычайно показательной является переписка де Местра с молодым еще тогда С. С. Уваровым.

Обмен корреспонденцией завязался на почве обсуждения уваровского «Проекта Азиатской Академии» (1810). Де Местра привлекла идея Уварова о том, что изучение Востока полезно, поскольку позволяет пролить свет на историю и культуру древнейших и более совершенных, по сравнению с современной, цивилизаций. А поскольку романтизированный ориентализм был близок де Местру так же, как идея декаданса, он не мог не похвалить молодого корреспондента за мужество быть несовременным и за эзотеризм. Однако переписка обозначила и расхождения во взглядах французского и русского консерваторов.

Для российского «торизма», к которому тяготел С. С. Уваров, была характерна идея о примирении новшеств со стариной. А поскольку он, так же, как де Местр, ощущал связь политической и конфессиональной сферы, умеренному консерватизму соответствовала и религиозная терпимость. Сергей Семенович был увлечен идеей религиозного эклектизма, сближения различных ветвей христианства, что, по его мнению, удовлетворяло

---

³⁶ *Местр Ж. де*. Петербургские письма. С. 161.

³⁷ *Maistre J. de*. Quatres chapitres inedites sur la Russie. P., 1859. P. 25-26.

³⁸ *Maistre J. de*. Quatres chapitres... P. 21- 22.

современным духовным исканиям. Баланс между доктринальностью и новизной он видел в немецком романтизме и экзегетике, а симпатии в отношении католицизма не мешали ему быть сторонником реформирования латинской церкви, излишне нетерпимой по отношению к другим конфессиям.

У де Местра же религиозная терпимость оппонента вызвала «кристаллизацию» ультрамонтантского взгляда. Похоже, де Местр впервые осознал, что даже в случае победы монархического лагеря над революционным, она может быть омрачена идеологическими уступками XVIII столетия. Отклик на «Проект Азиатской Академии» не позволяет даже заподозрить бывшего поклонника Сен-Мартена в симпатиях к мистическому иллюминизму: «С XVIII веком нельзя вступать в сделки: лучше быть якобинцем, чем фельяном и лучше разделить его печальную славу разрушителя, чем стать во весь рост между двумя вражескими лагерями и служить и той и другой мишенью для пуль и издевательств»³⁹. Желание же оправдать в глазах русского собеседника католическую церковь приводит к появлению работы «Письма к русскому дворянину об испанской инквизиции», где де Местр, вопреки очевидному доказывает: «...нет ничего столь истинного, столь ученого, столь неподкупного как великие испанские трибуналы»⁴⁰.

Какова же будет послевоенная Европа и удастся ли укротить XVIII век, если даже политические единомышленники подвержены его обаянию? Эти вопросы волновали де Местра, и все же результаты победы Александра не могли бы представиться де Местру и в страшном сне.

Первый признак разочарования появился сразу же после подписания участниками коалиции, 30 мая 1814 г., Парижского мирного договора, по которому Франция восстанавливалась в границах 1792 года.

Де Местр был обескуражен «жестоким поворотом событий», отнявшим у Франции, являвшейся объектом его политических пристрастий, почти все территориальные приобретения, кроме некоторых местностей, включая его родной Шамбери с прилегающим округом. Хотя оккупированная уже в июле-августе 1792 г., Савойя должна была избежать присоединения к Франции, но именно она попала в разряд исключений. Казалось, рухнула надежда на компенсацию потерянного имущества. Сомнительным оказалось и подданство сардинским монархам, которым де Местр, несмотря на

³⁹ Ж. де Местр – С.С. Уварову. Санкт-Петербург. 26 ноября (8 декабря) 1810. // ЛН. Т. 29-30. С. 683.

⁴⁰ *Maistre J. de. Lettres à un gentilhomme russe, sur l'inquisition espagnole. P., s.a. P. 56.*

все сложности в их взаимоотношениях, исправно служил всю жизнь. «Что сказать вам, г-н Граф, касательно Парижского трактата от 30-го прошедшего мая? Я его читаю и перечитываю и спрашиваю себя: да не разучился ли я грамоте? Судьба несчастной моей Савойи ужасна <...> Кто бы мог подумать, <...> что великая реставрация узаконит все мои потери и сделает меня в равной мере чужим и Франции, и Савойе, и Пьемонту? Но ведь именно это и случилось <...> Несчастливая Савойя! Какой конец!»⁴¹. Не исключено, что если бы «Сто дней» Наполеона не заставили Венский конгресс создать «буферную зону» против Франции и восстановить Сардинское королевство, де Местр мог бы сделаться борцом за независимость Сардинии.

Едва успев оправиться от первого шока, вызванного «дележом» Савойи в ходе европейской Реставрации, де Местр пережил куда более серьезное потрясение, теперь уже окончательно став «чужим» и Франции, и Савойе, и Пьемонту, и новой Европе вообще. Богословская терпимость конвенции Священного союза, уравнивавшей христианские конфессии, стала для де Местра свидетельством победы «духа иллюминизма» – причины революционных коллизий. В надконфессиональном характере конвенции де Местр усмотрел тенденцию к ослаблению идеологического значения христианства в политической сфере Европы и превращению религиозной формы, не связанной с определенной догматической системой, в проформу; «цементирующего основания» политики – в этикет, необходимую условность. Характеризуя декларацию в одном из писем, Местр замечал: «Она не составлена ни в Греческом, ни Католическом, ни в Протестантском духе; в ней совершенно особенный дух, который я изучаю тридцать лет»⁴². В другом, явно намекая на влияние «музы-вдохновительницы» Александра I – Юлии Крюденер, он писал: «Вам приходилось много слышать об иллюминатах. Я очень хорошо осведомлен на счет того, какими путями они достигли до Августейшего составителя конвенции; дело не обошлось тут без женщин. Иллюминаты и были вдохновителями Парижской конвенции»⁴³.

К счастью, Местр ничего не знал ни о колебаниях Александра I при выборе претендента на французский трон, ни о роли Талейрана, отстаивавшего традиционную династию с помощью аргумента: «Регентство или Бернадот – интрига. Только Бурбоны – принцип», иначе, разочарование итогами по-

---

⁴¹ Местр Ж. де. Петербургские письма. С. 254.

⁴² Местр Ж. де. Письма в Сардинию // Русский архив. 1912. № 2. С. 183.

⁴³ Там же.

беды над Наполеоном было бы еще более острым. Но, возможно, самое серьезное разочарование принес Людовик XVIII, утвердивший в конституционную хартию, работа над которой началась еще до его возвращения в Париж, в апреле 1814 года.

После всех этих событий Жозеф де Местр окончательно перебрался в лагерь правой политической оппозиции.

Не удивительно, что главным виновником злоключений, связанных Реставрацией, де Местр считал Александра I, «одурманенного идеей трансцендентного христианства», «восстановившего Людовика XVIII на троне Бонапарте» и «узаконившего державной рукой все преступления узурпации и атеизма». Лучше характеризует чувства мыслителя его признание, будто невольно вырвавшееся из под пера в предисловии к «Эссе о главном принципе политических конституций»: «Наполеон избежал осуждения, а Александр – похвалы»⁴⁴. В этом отношении весьма любопытен и эпизод, связанный с празднованием годовщины Ватерлоо в Павловске. Выражая сочувствие французскому послу, «деликатно» не удостоенному приглашения, де Местр замечает: «...это такой случай, когда в равной мере тягостно быть и приглашенным, и не приглашенным. Что до меня, то я был весьма рад, ибо уже заранее решил сказать больным»⁴⁵.

Пережитое разочарование определило содержание и тональность поздних произведений Ж. де Местра. Первым, незадолго до его приезда в Париж, появилось «Эссе о главном принципе политических конституций». Основные идеи работы кажутся не новыми по сравнению с более ранними «Рассуждениями о Франции», в ней нет ничего, что не было бы уже высказано однажды в отношении политических установлений, однако судьба этой книги удивительна. Произведение было написано в России еще в 1807 г. и направлено против конституционных преобразований М. М. Сперанского.

Политические принципы, сформулированные в «Рассуждениях» в виде длинного списка оказываются своего рода «подготовительным конспектом» к «Эссе». Суть последнего можно изложить довольно кратко: политические конституции – вещь нерукотворная, корни всех политических конституций существуют до всякого письменного закона, а тот, в свою очередь, может быть только кодификацией предшествующего ему непись-

⁴⁴ *Maistre J. de. Des constitutions politiques et des autres institutions humaines. Strasbourg, 1959. P. 11.*

⁴⁵ Жозеф де Местр – графу де Валузу, 16 (18) июня 1816 // *Местр Ж. де. Петербургские письма.*

менного права. При этом самое важное, самое существенное – дух конституции – никогда не является выраженным на бумаге без риска для стабильности государства: «То, что написано, есть ничто»⁴⁶. Идеалом в этом отношении служит Английская конституция, проникнутая «спасительным духом». Правило, сформулированное в отношении политического устройства и закона распространяется и на монархов. Люди бессильны «создать государей», так же, как бессильны «создать государство»: и то, и другое возникает исторически, незаметно, само по себе.

Узурпаторские династии и конституции, созданные на основании обдуманного плана, ждет общая судьба – в скором времени они будут отринуты, поскольку прививается лишь то, что вырастает из прошлого, органически связано с ним. Прошлое провозглашается де Местром критерием «политической достоверности» в настоящем. Притязания же новых правительств и узурпаторских династий превосходят «кредит доверия». Де Местр иронизирует над людьми, рассуждающими о том, что «если бы Ричард Кромвель обладал гением своего отца, он закрепил бы протекторат за своей семьей». Для де Местра это – очевидный алогизм, это «практически, то же самое, что сказать: если бы семья не прекратила править, она правила бы еще до сих пор»⁴⁷.

Осуждая «конституционную манию» XVIII века, де Местр возвращается к излюбленной идее консерваторов о слабости человеческого разума, переходя от политики в сферу политической теологии: «поскольку человек может действовать, он думает, что действует сам по себе, поскольку у него есть сознание своей свободы, он забывает о своей зависимости»⁴⁸. Для мудрого же, считает Местр, очевидно, что за всеми настоящими политическими конституциями скрывается рука «Вечного геометра». Самоуверенность разума, вообразившего себя архитектором, и была причиной *минувших* политических потрясений.

Однако появление книги в 1814 г. во Франции имело совершенно неожиданный эффект. Случайно ли публикация совпала с Реставрацией? Дать окончательный ответ на этот вопрос невозможно. По-видимому, тяжелое впечатление от того, насколько произвольным является обращение с законом в России, усилилось для де Местра неожиданным открытием – рационализм в политике укоренился и в Европе: один государь создает конституционную комиссию, другой подписывает конституционную хартию;

---

⁴⁶ *Maistre J. de*. Des constitutions politiques et des autres institutions humaines. P. 22

⁴⁷ *Ibid.* P. 9.

⁴⁸ *Ibid.* P. 26-27.

основанием политики становится документ, а победители, не желая провоцировать возмущения, говорят с побежденными на их языке. Но остается загадкой, действительно ли де Местру хватило решимости напомнить о том, о чем писал много лет назад он сам, а до него – Эдмунд Бёрк, или же он просто недооценил возможных последствий выхода книги именно в это время.

Де Местр воздержался от того, чтобы внести в текст дополнения о современных событиях – ни конституционная комиссия, ни конституционная хартия не подвергаются в книге открытому осуждению, и, тем не менее, настойчивый рефрен: «Закон является законом и имеет силу только тогда, когда он происходит от Высшей воли»⁴⁹ – заставил августейших почитателей таланта де Местра воспринять упреки прошлому веку на свой счет. Мысль, высказанная де Местром в письме С.С. Уварову, о том, что «с XVIII веком нельзя вступать в сделки» оказалась заявленной в менее дипломатичной форме, чем того требовали условности. Результатом явилась даже не опала, а просто полное равнодушие к его дальнейшей судьбе.

Важнейшее место в творчестве де Местра занимает работа «О Папе», в которой ультрамонтанские взгляды философа достигают завершенности доктрины.

На первый взгляд может показаться, что де Местр с прежним постоянством продолжал отстаивать идею национально-монархического равновесия. Именно в этом сочинении, как уже отмечалось выше, наиболее ясно определен характер взаимоотношения тех начал, что образуют государство. Монархия интегрирует и воспитывает нацию, а преданность престолу является наивысшим выражением патриотического чувства, и, в то же время, лишь историческая связь с нацией придает монархии статус легитимной. В книге снова проскальзывают рассуждения, навеянные пониманием свободы Ш.-Л. Монтескье как права действовать в границах, определенных правами других, и выражением национально-монархического баланса становится красивая формула: «Королю принадлежит вся власть, не допускающая тирании, а народу – вся свобода, не исключаящая необходимого повиновения»⁵⁰. Напоминанием о связи консерватизма с Просвещением служит и идея о том, что монархия связана с нацией системой обязательств. Долг королей состоит в том, чтобы содействовать благополучию народов. Вот почему монархия совершенна только тогда, когда остается в рамках, определяемых законом, имеющим историческое происхождение,

⁴⁹ *Maistre J. de. Des constitutions...* P. 17.

⁵⁰ *Maistre J. de. Du Pape.* P. 309.

общественным мнением, моральными нормами, восходящими к христианским заповедям, и, наконец, традицией. Однако к прежним сдерживающим факторам в новой версии добавляется еще один – папская супрематия.

Это дополнение связано, с одной стороны, с изменением взгляда де Местра на причины революции. Если в «Рассуждениях о Франции» и «Четырех главах о России» главными виновниками революционных потрясений провозглашались философы, протестанты и «мерзостная секта, поклявшаяся разрушать троны», то в последние годы де Местр, хотя бы частично, возлагает ответственность за политическую драму и на монарха. Свидетельством тому является рассуждение о двух сторонах «Проповеди Провидения»: одна обращена к государям, а другая – к народам, ведь «революции не происходят без злоупотреблений, но любые злоупотребления все-таки лучше революций». Для того, чтобы отношения между народами и правительствами не заходили в тупик, им нужен посредник, «арбитр в спорных вопросах», и власть римского первосвященника как нельзя лучше соответствует этому назначению: «авторитет пап был властью, установленной в средние века для того, чтобы уравнивать светский авторитет и делать его терпимым для людей»⁵¹.

С другой стороны, видимо, сказалась и крайняя досада де Местра из-за «компромиссной» развязки войны с XVIII веком. Папа, считает он, необходим не только как третейский судья, но и как «наставник» для самих государей. Недаром де Местр напоминает о том, что историческая роль папства заключалась и в воспитании «европейских монархий»: оно «убрало с чела светской власти архаичные черты дикости»⁵². Вполне вероятно, пребывание в России и сравнение западного и русского опыта, помогло де Местру оценить католическую церковь и Ватикан как реальный, действенный политический ресурс.

Однако нарисованная философом идиллическая картина единой Европы, представляющей собой католическую конгрегацию под эгидой папской власти, подобную той, что существовала в средние века, таит в себе и серьезное противоречие. Роль папы как высшей политической фигуры практически не оставляет места для принципа «равновесия», на котором строится политическая концепция самого де Местра: баланс должен уступить место иерархии.

Равновесие, в понимании де Местра, предполагает самостоятельность сторон: «Между церковной властью и властью королей есть некая анало-

---

⁵¹ Ibid. P. 208.

⁵² *Maistre J. de. Du Pape...* P. 307-308.

гия, некое братство, некая зависимость, настолько сильные, что никогда не рассматривают первую, не затрагивая второй»⁵³. Эту аналогию, судя по тексту сочинения «О папе», философ видит в *суверенной природе власти*, то есть *не связанной, не ограниченной, имеющей причину в себе*.

В одном месте книги де Местр погружается в размышления, стоит ли отделять *папство* от *папы*, и отвечает на него отрицательно, папская супрематия отождествляется им с *персоной папы*. При этом он объявляет папу *непогрешимым*, утверждая, что «...непогрешимость – не более чем *необходимое следствие супрематии*, или скорее, это абсолютно одна и та же вещь под различными названиями»⁵⁴. То есть, согласно де Местру, верховная власть права по определению, ибо любая попытка доказать обратное была бы равносильна покушению на верховенство: «Допустите один раз обжалование его решений, и нет больше правительства, нет больше единства, нет больше зримой Церкви»⁵⁵.

Между тем, вопрос, разграничивать ли папскую власть и личность папы возник не случайно. Смысл его заключается в том, *следует ли разделять суверенитет и его носителя?* Та же логика используется де Местром и применительно к *светскому суверенитету*, и тогда концепции национально-монархического равновесия предстает в ином свете.

Первое суждение де Местра о природе суверенитета может покорить совершенным либерализмом; предвосхищая вопрос читателя о том, создан ли народ для суверена или суверен для народа, Местр отвечает на него так: «Оба эти предположения ошибочны, если приняты по отдельности, и истинны, если приняты вместе. Народ создан для государя и государь создан для народа; *и то и другое – для того, чтобы был суверенитет*. Большая пружина в часах создана не для маятника, и он – не для нее, но то и другое – для того, чтобы часы показывали время»⁵⁶.

Однако, если бессмысленно отделять папство от папы, то, как быть с сувереном светским? Не является ли светский государь олицетворением верховной власти и не сводится ли фактически *суверенитет к воле государя?*

Возможно, ответ на этот вопрос дает другая работа де Местра – «Этюд о суверенитете»: «Я мог бы быть вынужден признать право Нерона на пролитие крови, *но никогда не согласился бы с тем, что люди имели право*

⁵³ Ibid. P. 158-159.

⁵⁴ Ibid. P. 25.

⁵⁵ Ibid. P. 27.

⁵⁶ *Maistre J. de. Du Pape...* P. 143.

судить его: ибо закон, по которому бы его судили, был бы создан другим сувереном, что предполагало бы суверена, противостоящего ему или суверена выше суверена, оба предположения являются одинаково недопустимыми»⁵⁷. Вот откуда в работе «О Папе» появилось суждение о том, что к верховной власти в принципе неприменимо понятие несправедливой, потому, что «на практике совершенно одно и то же – быть правым и ошибаться, не подлежа за это обвинению»⁵⁸.

На всем протяжении книги де Местр выдерживает единый логический стиль: бессмысленно разделять *государя и высшую государственную власть, суверен как воплощение суверенитета прав в силу самого этого статуса*.

Но о каком равновесии может идти речь? «Амальгама и братство» между нацией и монархией – с одной стороны, папством и монархией – с другой, приобретает вид строго соподчинения. Новая система не только обязывала бы подданных к повиновению государям, но и государей – к повиновению воле папы, поскольку духовный суверенитет, так же, как и светский, неоспорим по определению. Таким образом, слово римского первосвященника провозглашалось в книге «краеугольным камнем» всей европейской политики.

Не боясь навлечь на себя немилость французского короля, Местр открыто выступил с критикой галликанизма, ограничивавшего вмешательство Рима в дела Франции исключительно духовной сферой, оставлявшего прерогативой короля ведение государственной политики и присвоившего право коллективного утверждения эдиктов папы французскими докторами богословия. Оспаривая тезисы Боссюэ 1682 г., обосновавшие принципы галликанизма и ограничившие папскую власть условием соблюдения старинных прав французской церкви, де Местр заявлял: «...парижские доктора не более других имеют право требовать от папы того или иного; они являются его подданными, как и другие, и обязаны, как и другие, уважать его суверенные решения»⁵⁹.

Либеральная риторика книги «О Папе» все же не могла заставить усомниться в том, что речь шла о восстановлении средневекового порядка, к которому должны были, по замыслу автора, постепенно присоединиться отпавшие – галликанская и православная церкви.

---

⁵⁷ Cioren E. M. Op. cit. P. 152.

⁵⁸ Maistre J. de. Du Pape... P. 25.

⁵⁹ Maistre J. de. Du Pape... P. 83.

Архаический дух политической доктрины де Местра последних лет его жизни подчеркивают и образы «Санкт-петербургских вечеров». Во всяком случае, размышления исследователей о позднем де Местре обычно сопровождаются упоминаниями о папе и палаче. От этого облик самого «пророка прошлого» приобретает несколько инквизиторские черты. У де Местра, действительно, есть парный образ, но это не папа и палач, а палач и солдат. Пара чрезвычайно интересна тем, что позволяет проникнуть в душевное состояние де Местра, его мотивы, психологию. Существование того и другого Местр оценивает как «естественное зло», однако один у него оказывается в роли подзащитного, а другой – обвиняемого. Причем, философ здесь идет наперекор общепринятому отношению к каждому из них. Солдата – фигуру, весьма почитаемую у всех народов, де Местр обличает в том, что он «должен убивать без всякой меры и непременно людей порядочных и честных»⁶⁰. Напротив, палача, обычно ненавидимого всеми, де Местр оправдывает как вершителя государственной справедливости: «Это существо возвышенное, это краеугольный камень общества <...> стоит только убрать палача – и вместе с ним исчезнет всякий порядок»⁶¹. Такая позиция де Местра, по-видимому, связана с тем, что солдат был для него олицетворением ненавистного хаоса и трагедии человеческого существования, а палач – символом устойчивости и всеовершенной статики.

Вся политическая философия де Местра последних лет его жизни – это отчаянная непрекращающаяся борьба против перемен. Но мог ли верить в реставрацию средневекового порядка тот, кто еще в 1796 г. писал, что «проект перелить Женевское озеро в бутылки был бы значительно менее безумен, чем проект восстановления господства дворян?»⁶².

Заметки современников, сохранившиеся обрывки высказываний свидетельствуют о том, что де Местр-человек и де Местр-писатель – несколько разные люди. Посвятив немало усилий сражению с революцией и Наполеоном, человек вынужден признать, что от того и другого невозможно защититься отвесными кручами острова Святой Елены: «Нам остается его [Наполеона – М.Д.] дух. Дух этот состоит из смешения его собственного яда с ядом его предшественников, и этот тонкий яд расплзается во все стороны <...> Мы накануне нравственного и религиозного переворота»⁶³. Пленный император мог бы гордиться тем, что заслужил у кумира рояли-

⁶⁰ Местр Ж. де. Санкт-петербургские вечера. Санкт-Петербург, 1998. С. 355.

⁶¹ Местр Ж. де. Санкт-петербургские вечера...

⁶² Цит. по: Степанов М (Шебунин А.), Вермаль Ф. Указ. соч. С. 578.

⁶³ Цит. по: Cioren E.M. Op. cit. P. 204.

стов признание: «Удивительный человек этот очень многое изменил на свете. Он наделал королей, королевских высочеств, великих герцогов и проч., наконец, дворян; и я не вижу, чтобы кто-нибудь пожелал сбросить с себя эти титулы, найдя их незаконными или ничтожными»⁶⁴.

Упреки в адрес XVIII века де Местр принимает и на свой счет, ведь и ему не удалось избежать влияния времени: «Революционный дух, проникнув в здравый рассудок и прекрасное сердце, создал гибридное произведение, которое не удовлетворило бы людей, склоняющихся к той или другой партии <...> Если бы вы находили нечто несуразное в выражении *революционный дух*, вы пребывали бы в большом заблуждении, ибо все мы подвержены ему. В большей или меньшей степени, разумеется, но совсем мало умов не были поражены его влиянием в той или иной форме, и сам я, поучающий вас, все время спрашиваю себя, не подвержен ли и я ему?»⁶⁵

В 1820 г., на вечерах у старого приятеля, маркиза де Лаво, окруженный, как всегда, вниманием слушателей, де Местр предвещает вторую французскую революцию. И, выступая на совете министров Пьемонта за считанные месяцы до начала революции в этом королевстве, предупреждает с иронией стороннего наблюдателя: «Господа, земля дрожит, а вы хотите строить».

Как соотносить все это с обскурантизмом и политической нетерпимостью сочинения «О Папе»? К. Манхейм заметил когда-то, что обычно несклонные к созданию идеальных проектов консерваторы прибегают к моделированию в те моменты, когда сознают, что лишены возможности влиять на ход событий; тогда консервативная утопия может служить им утешением. В отличие от Бональда, в письмах после Реставрации призывавшего Апокалипсис, де Местр скорее готов смириться с «апокалипсисом» своего идеала – романтизированной средневековой Европы. Он понимает: ни прекрасного средневековья, ни даже XVIII века не вернуть, новая эпоха предстает перед ним чем-то пугающим и чуждым. Но язык де Местра, блистательный, остроумный, оживляет даже самое пессимистичное прощание: «Я умираю вместе с Европой, то есть ухожу в хорошей компании»⁶⁶.

---

⁶⁴ Местр Ж. де. Письма в Сардинию. С. 167-168.

⁶⁵ Цит. по: Pompery E. de. Etude et notice sur comte Joseph de Maistre // Maistre J. de. Les soirées de Saint-Pétersbourg. P., 1906. P. XV.

⁶⁶ Ibid. P. XL.